

В преддверии 85-летнего юбилея редакция, да и многие люди на пространствах бывшего СССР вспоминают славные дела бывшего союзного премьера Н. И. Рыжкова. Среди них руководство спасательной операцией после катастрофического землетрясения в Спитаке в декабре 1988 года. Николай Иванович заслужил сердечную благодарность армянского народа, выраженную в словах католика всех армян Вазгена I: “Мы и весь армянский народ не забыли и не забудем Вашу отзывчивость и доброе отношение после бедственного землетрясения, когда в течение многих дней, днём и ночью, сочувствуя нашему горю, Вы проявляли большую заботу к израненному населению. Наш народ, проживающий как на территории Советского Союза, так и за рубежом, благодарен Вам...”

Мы публикуем главу из вышедшей в издательстве “Молодая гвардия” биографической книги Игоря Иустиновича Цыбульского “Николай Рыжков”, посвящённую тем незабываемым драматическим событиям.

ИГОРЬ ЦЫБУЛЬСКИЙ

“НАШ НАРОД БЛАГОДАРЕН ВАМ”

В отличие от Горбачева, которого знал весь мир, Николай Иванович не стремился блистать за рубежом и позировать перед объективами репортёров. Он был занят повседневной напряжённой работой в правительстве, и его выход на первый план общественного внимания был связан обычно с трагическими событиями, выступавшими за пределы привычного. Вторым таким событием после Чернобыля стало Армянское Спитакское землетрясение, которое началось 7 декабря 1988 года в 11 часов 41 минуту 23 секунды. Точное время назвали сейсмологи, оно же застыло на мёртвых электронных часах на площади превращённого в руины Лениакана. Руинами всего за полминуты стала вся северная часть республики с тремя сотнями городов и сёл, погибли свыше 25 тысяч человек, более 500 тысяч холодной зимой лишились крова и средств к существованию.

Рассказ Николая Ивановича об этой страшной беде хочется привести целиком, ничего не упустив:

“Ситуация в Армении и без этого страшного стихийного бедствия была крайне трудна и взрывоопасна. С февраля 1988 года резко обострился армянско-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха. Мирные демонстрации уже отшумели, заговорили автоматы и даже пулемёты. Широко действовали соединения боевиков, и пролившаяся кровь грозила хлынуть настоящим потоком. С Кавказа потянулись тысячи беженцев, уже создана была по этому поводу Комиссия Политбюро ЦК КПСС, которую возглавил Генеральный секретарь.

Однако не до того ему было. Горбачёв готовился к своему первому в жизни выступлению в ООН. К встрече с уходящим с политической арены Рейга-

ном и вновь избранным президентом США Бушем. Выступление советского лидера было назначено на 7 декабря, и времени на подготовку оставалось всего ничего, а выступить следовало весомо и мощно. Я по традиции оставался на месте – так кому, как не мне, следовало поручить работу с Карабахской комиссией? Мне и поручили её до возвращения Генерального из Америки.

7 декабря началось у меня с очередного заседания этой комиссии. Мы не обсуждали в этот день коренных проблем – о судьбе Карабаха. Тогда все были озабочены одним: как приостановить вооружённое противостояние, задержать поток беженцев из республик, чтобы потом попытаться усадить конфликтующие стороны за стол переговоров.

В Армению в первых числах декабря вылетел мой заместитель по Совмину Щербина – всегда незаменимый Борис Евдокимович, который, как и в Чернобыле, первым из высокого московского начальства встретил беду. Немало людей, входящих в этот круг, повидал я на своём веку и понял, что, оказывается, недостаточно называться высоким начальником – надо ещё уметь не попадать каждый раз в центр очередного аврала, прорыва, ЧП. Наоборот, надо умело от них уворачиваться. Слава Богу, большинство моих соратников этим качеством не обладали и первыми лезли в любое пекло.

Когда около полудня мне сообщили о землетрясении в Армении, я немедленно связался с Ереваном и их Совмином, спросил подробности. Мне толком не смогли ответить. Твердили только, что очень большое несчастье и ничего пока не известно – связи нет. В район бедствия улетели Арутюнян и Щербина, как только вернутся – сразу свяжутся с Вами. Сурен Гургенович Арутюнян был тогда первым секретарем ЦК компартии Армении. Знание ритуалов подсказывало, что несчастье и впрямь большое: на рядовое ЧП первое лицо республики, да ещё с зампредом Совмина страны, не вылетают. Усадили к телефону дежурного – ждать связи с Арменией...

Что мне тогда подсказывало шестое, десятое, сто первое чувство? Если честно – ничего не подсказывало. Землетрясение – это не взрыв реактора на АЭС (ничего более страшного я теперь представить себе не мог). Землетрясения в нашей большой стране по несколько раз в году случаются – то сильнее, то слабее. И фраза про “очень большое несчастье” могла быть всего лишь “фигурой речи”. Так подсознательно и хотелось думать...

Около 17 часов дежурный позвал к ВЧ-связи. Звонили Арутюнян и Щербина. По голосам я понял, что они не просто устали от полёта в район беды, – они были убиты, раздавлены. Говорил Борис Евдокимович:

– Там тысячи мёртвых! Тысячи жертв!!! – Голос его срывался, как будто он едва удерживался от слёз. – Спитак разрушен полностью. Ничего не осталось! Ленинакан тоже, почти весь... почти... а ещё Степанаван, Кировакан... беда, Николай Иванович, такой беды и представить нельзя...

Щербина всегда был человеком спокойным, сдержанным, всегда умел гасить эмоции. А тут...

Я и вправду ничего не мог представить толком. Щербина с Арутюняном в тот день всего лишь облетели район бедствия на вертолёте и были потрясены до глубины души. А я за всю жизнь не сталкивался вживую ни с каким землетрясением, лишь читал о них и фотографии видел. Умозрительное представление обычно не очень близко к реальности. Но даже такое представление после этого звонка заставило меня действовать без колебаний.

Во-первых, я сразу решил лететь в Армению сам. Во-вторых, связался с министром здравоохранения Евгением Ивановичем Чазовым – даже не стал его приглашать в Кремль, некогда было. И уже вечером он вместе с первыми бригадами медиков вылетел в Ленинакан.

Лететь было страшновато: никто точно не знал, что с тамошней взлетно-посадочной полосой. К счастью, она пострадала не очень сильно, её довольно быстро залатали, и медики тут же раскинули свои палатки. Уже в ночь на восьмое декабря начались первые операции. Впрочем, когда они прилетели в Армению, там уже были врачи из соседней Грузии – они прибыли самыми первыми.

Со мной в Армению собирались лететь Н. Н. Слюньков, Д. Т. Язов, мои заместители Ю. П. Баталин по строительству и Л. А. Воронин – по снабжению. Вылет назначили в ночь на 8-е, а до этого следовало позвонить в Нью-Йорк Горбачёву. Я связался с Нью-Йорком через спутник около 19 часов, там было ещё утро. Телефонистки соединили меня с “ЗИЛом” Генерального, трубку поднял руководитель его охраны. Извинился:

– Не могу соединить с Михаилом Сергеевичем. Он только что прошёл в здание ООН. Через несколько минут выступление.

Не везёт! Я и не собирался ни о чём с ним советоваться, переваливать на его плечи какие-нибудь решения. Всё было уже продумано, но я считал: Генеральный секретарь должен как можно скорее узнать о том, что произошло в стране. Узнать и наметить свою линию поведения.

– Как только освободится, – сказал я руководителю охраны, – пусть сразу со мной свяжется. Без-от-ла-га-тель-но!

Охранники – люди вымуштрованные: ни о чём начальство не спрашивают, но тон отлично понимают.

Выступление Горбачёва транслировалось по телевидению в прямом эфире, но я не смотрел – не до того было. Звонки чередой, люди... Поручил секретарям внимательно следить за телепередачей и предупредить меня о её окончании. Горбачев позвонил минут через пятнадцать после своего выступления, по дороге на встречу с Бушем и Рейганом, из машины и позвонил. Выслушал меня и сказал, что там, в Нью-Йорке прошёл какой-то неопределённый слух о сильном землетрясении на Кавказе, попросил держать с ним связь. Ни слова о возвращении домой сказано не было. Визит продолжался, для прекращения его Горбачёв повода не увидел. Пока не увидел. Повторюсь: трудно увидеть беду умозрительно, тем более что ни Америка, ни остальной мир ещё не услышали громовых раскатов спитакского землетрясения.

Да и мы в Москве всё ещё не представляли себе гигантских размеров трагедии. Хотя Баталин уже прикидывал, откуда и какие можно перебросить в Армению строительные мощности. Язов готов был подключить к оперативной работе войска – если что. Воронин уже готовил к переброске в республику палатки, продовольствие, медикаменты, не ведая, сколько всего потребуется в действительности.

Я встретился с С. А. Шалаевым, лидером профсоюзов, попросил:

– Освободите свои санатории, дома отдыха, пансионаты. Начнём вывозить из Армении женщин и детей, им надо где-то жить, а детям учиться...

– Освободить не вопрос, – ответил Степан Алексеевич. – Вопрос в том, на сколько беженцев рассчитывать?

– Не знаю, – честно ответил я, – думаю, что счёт пойдёт на тысячи...

Опять забегаю вперёд, скажу, что я в принципе не ошибся: счёт и вправду пошёл на тысячи, да только таких тысяч ни я, ни Шалаев и представить не могли. К Новому году в санаториях и домах отдыха за пределами Армении жили более 60 тысяч беженцев. Как жили? Слово “хорошо” здесь, увы, не подходит: хорошо было дома, когда был дом. Есть такой околоремейский термин “нормально”. Вот нормально они и жили. Великое спасибо за это профсоюзам!

Глубокой ночью вернулся домой. В прихожей – упакованный чемодан. Два часа сна – забытья... и на аэродром! Думал – на несколько дней, а вышло...

В восемь утра мы прилетели в Ереван. Накоротке собрались в здании ЦК партии (там наш штаб потом и обосновался, как в Чернобыле – в райкоме). С ходу выслушали более или менее подробные сведения о масштабах бедствия: десятибалльное (!) землетрясение ударило по территории, на которой жили 700 тысяч человек. Разрушено четыре города. Один сметён с лица земли полностью. О сельских районах пока ничего не известно, туда за ночь не добрались...

Приняли самые первые решения. Язов предложил “если что” срочно объявить мобилизацию шести законсервированных полков войск гражданской обороны. Без техники ничего нельзя было сделать. Воронин срочно сел в армянский Госснаб – руководить снабжением на месте.

В зоне бедствия оказались 130 заводов, напрямую вызвать в зону министров – пусть сами оценивают масштабы разрушений и берут на себя работу по их ликвидации.

Всё это было решено в считанные минуты. Заседать времени не было. Я спросил:

– Ничего не забыли? Тогда в аэропорт. Летим в Ленинкан.

Кто-то спросил на ходу:

– Вам в Ленинкане “Чайку” или “Волгу”, Николай Иванович?

– Какую “Чайку”?! Вы ещё кортеж организуйте с мотоциклами! Автобус нужен, побольше и помощнее.

Поняли меня правильно: в Ленинканском аэропорту нас ждал красный “Икарус”. На нём я и ездил всё время пребывания в израненной Армении. Вернее, на одном ездил в Ленинкане, другие были в Ереване и Спитাকে. Их сразу узнавали гаишники, водители, пешеходы. И проходимыми они оказались, что твой вездеход, несмотря на размеры и внешнюю неповоротливость. Через страшнейшие завалы и колдобины перебирались. Но тут не только технику, но и водителей надо благодарить — они оказались мастерами высшего класса.

Дорога из Ленинканского аэропорта в город была забита еле ползущими легковушками, грузовиками, автобусами, автокранами. В первые же часы правительство республики, объявив о землетрясении и увидев масштабы трагедии, попросило граждан помочь вывезти из зоны бедствия раненых, женщин и детей. В тот день мне показалось, что вся Армения откликнулась на этот призыв, все, кто имел возможность сесть за руль своей или казённой автомашины.

Потом кое-кто упрекал руководство Армении, что, мол, зря устроили панику, взбудоражили людей, зря сорвали их из дому. Утверждаю: никакой паники не было. Может быть, я и преувеличиваю, но ведь именно в первый день и ночь, когда ещё не подошла техника из других республик, армянские водители-добровольцы вывезли из зоны бедствия тысячи людей. Но, правда, в город мы добивались очень долго. Если первые здания на въезде показались мне выстоявшими, даже на вид вполне целыми, то сразу за ними начинались руины.

Дома старой, особенно дореволюционной постройки, развалились на части: две стены рухнули, две стоят. Порой и перекрытия между ними сохранились. Вот чья-то семейная кровать выставила на свет божий свои никелированные шары. Вот полочется на ветру тюлевая занавеска на одиноко торчащей в стене оконной раме...

А современные блочные дома складывались в аккуратные кучки, как костяшки домино, накрыв собой всё живое, что было внутри. Всё это на первый, беглый, мятущийся взгляд. Глаз не успевал остановиться на чём-то одном. Взбудораженное сознание не могло зафиксировать целое, всё выступало по частям, как страшная чёрно-белая мозаика.

Улицы, вернее, то, что от них осталось, завалены обломками разрушенных зданий. Машины и люди кричат, лезут, наползают друг на друга.

Еле-еле добрались до площади перед большим универсамом. Вместо него — гора бетона, искорёженного металла.

— Это не езда, — сказал я, — оставим здесь автобус и пойдём пешком...

Едва вышли на площадь, нас обступили люди. Казалось, их сотни и сотни — рыдающих, кричащих, убитых горем. Вероятно, кто-то узнал меня. Иной раз мои фотографии появлялись в газетах, хотя время телевизионных депутатских шоу, на которых мне не раз приходилось выдерживать атаки народных избранников, ещё не настало. А может, своё, местное начальство узнавали. Наваливались на нас, хватали за одежду, кричали.

— Вы собираетесь что-нибудь делать? Где вертолёт?! Где краны?!

Четверо из моей команды пытались прикрыть меня от толпы.

Я тихо сказал им:

— Спокойно, ребята, не надо меня ни от кого спасать.

И в это время какой-то залётный, неведь откуда вынырнувший кинооператор вскинул камеру и застрекотал, фиксируя “исторический момент”.

— Сволочи! — вылетело из толпы. — Им наплевать на нас! Они сюда кино снимать приехали!

Люди в толпе находились в состоянии предельного отчаяния. Любого, даже крохотного повода хватало бы, чтобы грянул взрыв. Не понять их невозможно: беда, горе моментально ломают существующие в человеческом общежитии нормы и нравственные барьеры. Поведение людей становится непредсказуемым. Мои охранники бросились спасать несчастного репортера, прикрывая его от ударов, сыпавшихся со всех сторон, выводить его из толпы. Я, взобравшись на обломок бетонной плиты с торчащими прутьями арматуры, громко, предельно понятно и медленно начал рассказывать людям обо всём, что уже делалось в Армении и предстояло сделать в ближайшие часы.

Корреспондента увели сравнительно целым, люди помаленьку притихли, начали слушать. В минуты беды так необходимо утешительное слово, тем более если оно не просто сказано, а делом подкреплено. Задавали вопросы, ещё по инерции агрессивно, и главный вопрос был: почему нет вертолётов?

Отвлекаясь от хода событий, скажу, что в первые часы и дни после землетрясения превалировало мнение, что будто именно вертолёты способны быстро растащить завалы и вызволить из-под них людей. Даже не будучи специалистом по вертолётам, я знал точно, что они здесь ничем не помогут. Но говорить об этом людям, которые поражены оглушающим горем, невозможно. Днём позже пригнали в Ленинанкан тяжёлые милевские машины. Они пылили безжалостно, создавая над завалами настоящую пылевую бурю. Ничего не было видно, да и никакой серьёзный завал они растащить не могли. Обрушенные блоки цеплялись друг за друга арматурой. Вертолёты в любую секунду могли упасть и разбиться. Впрочем, не пригодившись для разборки завалов, вертолёты оченьгодились для эвакуации людей, особенно раненых. Не зря их вызвали.

Идти по городу было до жути страшно и больно. Из-под развалин слышны были крики похороненных заживо жителей Ленинанкана. Родные, волею случая оказавшиеся вне дома, вне учреждений, вне магазина, вообще вне здания, раздирая в кровь руки, пытались пробиться к ним. Тоже криком кричали, бросаясь к нам, то ли с просьбой, то ли с угрозой: “Помогите же!” А что мы в эти минуты могли сделать? Только вновь и вновь успокаивать, обещая: подождите немного, помощь близка.

Как невыносимо тяжело чувствовать себя беспомощным и слабым! Как ненавидишь себя за бессилие сегодня, сейчас, даже если знаешь, что завтра, послезавтра, послепослезавтра придёт сила! Как барабанно пуста власть, если она не может отвести беду мгновенно! Честное слово, в такие моменты я бесконечно сожалел, что я — всего лишь обыкновенный премьер-министр многострадальной страны, а не всеильный волшебник с чудесной аладдиновой лампой под мышкой.

И всё же именно власть предсовмина страны, реальная власть, а не сказочное могущество джинна, вселяла ощущение, что мы можем многое успеть. Я шёл по разрушенному Ленинанкану, слушал и не слышал чьи-то слова, быть может, и важные в принципе, но совсем не важные в тот миг. Кругом рыдания и стоны. В чьи глаза ни помотришь — в них полно слёз. Да и у меня в горле комок стоял...

Ещё ни я, ни вообще кто-то в нашей стране не делил людей в горе на “своих” и “чужих”, “наших” и “не наших”. Ещё Советский Союз был единой державой, что и позволило мне тем же днём сказать в интервью телевизионной программе “Время”, что если мы хотим помочь Армении, если мы хотим спасти как можно больше людей — а это было первоочередной задачей! — то принять в этом участие должны все республики, весь Союз.

Прямо с забитой до предела площади в Кировакане я обратился к гражданам страны. Надо прямо сейчас, не дожидаясь никаких команд, самим трудовым коллективам готовить технику — автомобили, бульдозеры, большегрузные автокраны, сварочные аппараты и, главное, людей, которые будут управлять этой техникой, грузить всё на железнодорожные платформы для немедленной отправки в Армению. Ночью мы сообщим всем адреса отгрузки.

Это мое обращение вышло в эфир 8-го. Оно возымело действие, так как уже утром 9-го мы знали — телефонная связь с Ереваном работала безотказно, — где сколько техники подготовлено для отправки в зону бедствия. А до этого мы пребывали в абсолютно разрушенном Спитаке, в городе, который через 20 секунд после первого подземного удара исчез с лица земли, превратился в горы развалин. Здесь чётко руководил работами мужественный человек — Норик Григорьевич Мурадян. Глаза у него были красные, воспалённые. Стихия унесла 11 его родственников! Кстати, он был избран первым секретарём райкома партии за... 15 минут до землетрясения.

Из Ленинанкана в Спитак, расположенные друг от друга в 30–40 километрах, мы пробивались на своём “Икарусе” несколько часов. Здесь был эпицентр землетрясения. Дорога вздыбилась, гигантские зияющие трещины, как змеи, извивались по земле, казалось, горы сошлись друг с другом. На дороге лежали многотонные валуны, сброшенные стихией с вершин. Железнодорожные рельсы были скручены в огромные спирали. Вагоны шедшего по ним состава лежали вверх колёсами, тепловозы валялись на боку...

Автобус застревает среди завалов — и все мы толкаем его плечами. Пролёты моста, сошедшие со своих опор, держатся на честном слове. Приходится идти пешком — если уж погибать, то одному нашему водителю-смертнику. А впе-

реди, как разведчик, всё время шёл самосвал, в кузове которого на каких-то подстилках лежали два человека, забинтованные буквально с ног до головы.

Сколько же я узнал тогда незаметных, нешумных, беспредельно самоотверженных людей! В те дни никто не думал о наградах и поощрениях. До этого ли было? Всё кругом стонало — люди, душа, природа.

Спустя несколько месяцев я попросил как-то отметить своих помощников, но замотали и это. Хотя, как мне стало известно потом, охрана Горбачёва за два дня своего пребывания в Армении получила досрочные воинские звания. Купил я десяток карманных часов, попросил выгравировать: “В благодарность за Армению — Н. Рыжков”. И вручил своим ребятам, верой и правдой служившим вместе со мной, преодолевая армянскую трагедию.

Мы успели дотемна посетить Кировакан и вернуться в Ереван, где сразу, с колёс, подвели итоги увиденного и наметили основные направления работы. Первое, как уже было сказано, — это расчистка завалов и спасение людей. Второе — медицинская помощь раненым. Третье — создание хотя бы элементарных условий для жизни, установка палаток, строительных вагончиков. Четвёртое — эвакуация женщин и детей. Пятое — обеспечение оставшихся в зоне питанием, водой, тёплой одеждой (зима на дворе, люди остались на улице практически без ничего). Опять-таки забегая вперёд по времени, скажу, что до 5 января все жители городов зоны бедствия обеспечивались бесплатным питанием.

Вечером же 8-го из Нью-Йорка позвонил Горбачёв. Я ему рассказал обо всём увиденном, сообщил, что решил остаться в Армении до того, как будет налажена чёткая работа по спасению людей. В то время он уже не очень-то советовался со мной. А тут вдруг спросил:

— Как думаешь, ехать мне на Кубу и в Англию или вернуться домой?

— Вернуться, — ответил я, не задумываясь, — И как можно скорее. Вам следует прилететь сюда, в Армению.

Если честно, мой совет был нужен ему для проформы: он, пожалуй, и сам понимал, что оставаться вне страны в эти тяжелейшие дни её руководитель не имеет права. В тот же день он официально прервал визит, и следующий его звонок ко мне состоялся уже с борта самолёта утром 9-го.

Он появился в Армении утром 10-го, это была суббота. Прибыл вместе с женой, которая всегда и повсюду сопровождала его.

Накануне он позвонил из Москвы и поинтересовался, куда лучше лететь. Я ответил:

— Летите прямо в Ленинакан. Мы вас встретим.

Через несколько минут после нашего с ним разговора позвонил генерал Плеханов, начальник 9-го, “охранного” управления КГБ, и спросил:

— Николай Иванович, как в Ленинакане со взлётно-посадочной полосой? Выдержит тяжёлый самолёт?

— Выдержит, — удивлённо подтвердил я. — А вы что, танки везти собираетесь?

— Почему танки? — не понял моей мрачной шутки Плеханов, — В самолёте “ЗИЛы” для Михаила Сергеевича и его сопровождения.

Тут я взорвался, каюсь. И заорал:

— Какие “ЗИЛы”? Не порите чушь! Здесь беда, океан горя! А вы тут на “членовозах” разъезжать собрались? Что люди скажут — подумали? Не-ет! Горбачёв со мной ездить будет. На “Икарусе”. И сопровождение тоже — места всем хватит, автобус большой. Ясно?

— Ясно, — коротко ответил Плеханов.

Наутро в Ереван прибыл самолёт с Генеральным, его женой — и... роскошным сияющим “ЗИЛом”. Конечно, Горбачёв не стал на нём ездить, передвигались они на моём “персональном” автобусе, а тот “ЗИЛ”, как мне помнится, так в Армении и остался. На память от Генерального секретаря.

Вспомнил я об этом курьёзном факте вовсе не для того, чтобы кинуть лишний камень в сторону службы безопасности. Вспомнил только потому, что и в дни всеобщей беды находились люди, которые думали не о том, как облегчить боль пострадавших, обогреть и накормить раненых, голодных, замёрзших. Они смотрели на мир и страну как бы со своего шестка — будь он ведомственный или эгоистично-национальный. Ведь именно в короткое пребывание Горбачёва на армянской земле я не раз слышал обращённый к нему вопрос: “Как вы собираетесь решать проблему Нагорного Карабаха?”

Действительно, национальные проблемы к 1988 году уже были болезненно обнажены и, в первую очередь, в Армении. Но в те тяжёлые дни мне казалось, что именно общая беда сплотит враждующие стороны, остановит – пусть хотя бы на время – конфликт, начавший уже не тлеть, а пылать. Увы, но кое-кому было выгодно раздувать этот конфликт и в дни всенародного горя. Кто-то умудрялся не пропускать через армянскую границу машины с азербайджанскими номерами, кому-то было выгодно блокировать на земле Азербайджана железнодорожные перевозки в Армению.

Я не пытаюсь определить, кто был прав, а кто виноват в карабахском конфликте. Обе стороны, безусловно, имели свои резоны. Хочу лишь напомнить, что во все времена во всех концах земли горе сближало людей. Если не наступал мир, то хотя бы перемирие. Здесь же беду использовали, чтобы стало больнее. Кому это было выгодно?

Может быть, мой небольшой рассказ об Армении сбивчив, но плавно не получается. На меня здесь дают сразу два страшных груза. Мучительный груз увиденного и пережитого за декабрьские и январские недели моего пребывания в республике. Второй груз – давняя уже трагедия Армении, карабахский конфликт, который не утихает уже много лет и которому до сих пор не видно конца.

А ведь казалось, что беда, обрушившаяся на Армению, сможет как-то примирить... и начало было обнадеживающим. Техника для спасательных работ шла нескончаемым потоком, в том числе из Азербайджана, хотя “ход” её, как я уже говорил, был непростым. Все плановые поставки строительной техники с соответствующих заводов отменили и перенацелили на Армению. Железнодорожники почти втрое (!) увеличили скорость движения грузов с 300 километров в сутки до 800. Днём и ночью за этим следил сам министр путей сообщения Николай Семенович Конарев. Но и этого было мало. Приняли решение перебрасывать технику и по воздуху. Тут пришли на помощь военно-транспортная авиация и “Аэрофлот”. Мы проводили короткие “летучки” штаба в Ереване дважды в день – утром и вечером.

Я каждый день вёл в блокноте нечто вроде конспективного дневника. Вот запись от 10 декабря: “Два часа ночи. В Ереване село 12 бортов. 12 уже в воздухе. Ещё 6 на подходе”. В Ереванском аэропорту и Ленинкане можно было, задрвав голову, ежеминутно считать самолёты, чуть ли не гуськом летящие по малому и большому кругам ожидания. И садились они один за другим. На разгрузку борта давали всего 10 минут! Через пару лет я случайно встретился с одним из лётчиков, который был в той “карусели”. Он мне рассказал, что они испытывали в воздухе и видели на земле. По его словам, это больше всего напоминало рассказы его старших товарищей о том, как летали на войне.

Конечно, чего скрывать, было трудно, случались и аварии. Иначе и быть не могло в ходе того ежеминутного, ежесекундного аврала, и нужно только благодарить тех асов и профессионалов, мастерство которых помогло свести трагедию к минимуму. Перед глазами у меня ужасная картина: на многие сотни метров разбросанные обломки самолётов – югославского и советского. Наш шёл из Баку с техникой и резервистами на борту. Все погибли: и наши, и югославы. Надеюсь, что власти Армении установили на месте гибели этих людей памятник, ведь они спешили на помощь их народу.

Посадочная полоса работала непрерывно. Диспетчеров не хватало, да и погодные условия не радовали. К тому же тут горы, а в горах всегда трудно. Ну, и аврал, как известно, не способствует порядку в воздухе.

Республиканское руководство в первые часы беды позвало на помощь всех, кто мог помочь вывозу пострадавших. Но уже через несколько дней эти действительно беззаветные и самоотверженные добровольцы начали сильно мешать планомерной работе. Дороги и улицы были так забиты машинами, что “скорые помощи” часами продирались к раненым. Если применить медицинский термин, то положение на дорогах Армении начало напоминать тяжёлый тромбоз. Надо было вводить чрезвычайное положение...

Решили взять в кольцо два разрушенных города. Десантными войсками перекрыть въезды в них, поставить заставы из танков и БТР. Все посторонние автомобили вывести из этих городов и разместить их на импровизированных стоянках, как говорится, в чистом поле. Утром 10-го города были взяты в кольцо, а на стоянках возле застав замерло более 50 тысяч машин. Я обратил тогда внимание на чёткость выполнения указаний министра обороны

Д. Т. Язова и И. Н. Родионова. Да, это был тот самый генерал, которого через полгода затапывали на Съезде за тбилисские события.

Вспоминаю о первых днях, когда тех же автокранов было мало, как пальцев на руке, и настоящая битва шла за каждый такой механизм. Люди дневали и ночевали на развалинах своих домов, там, где стихией были похоронены их родные, и всякий старался получить кран именно на свои развалины. Разве этих людей нельзя понять? Но когда техника пошла потоком, то драки за неё закончились. Тем более что ждать и надеяться люди могли, как потом выяснилось, 12 дней и ночей. Именно через такое время из-под развалин был спасён последний живой человек – подросток.

Но об этом мы узнали позже, да и невозможно отнять у людей веру в чудо.

Если говорить об итогах, то всего из-под завалов спасатели – профессионалы и непрофессионалы – извлекли 40 тысяч человек, из них 16 тысяч живыми.

Профессионалов, к несчастью, было мало. Своих – вообще считанные единицы. Службы спасения людей в экстремальных условиях у нас тогда ещё не существовало, только горноспасатели. Мы были поражены, когда увидели оборудование профессионалов, прибывших из-за рубежа. Казалось, что только в фантастических романах существуют приспособления и приборы, которые сквозь толщу завалов чувствуют тепло человеческого тела, слышат стук сердца и дыхание. Они привезли собак, умеющих чутя людей под развалинами, – у нас такого тогда не было. Только потом в разных городах появились группы энтузиастов, самостоятельно тренирующихся спасать людей. Осенью 1991 года в Санкт-Петербурге на песчаной горе Парнас Шуваловского парка засыпало двух подростков. Двое суток спасатели выгребали песок, используя ведра, корыто и штыковые лопаты с обломанными черенками. Одного ребёнка спасли, второй так и погиб под тяжестью песка.

Питерская мэрия иметь дело с этой чрезвычайной ситуацией не пожелала, а мэр Собчак на пресс-конференции жёстко заявил, что “спасать детей – не дело мэрии”. Напоминаю, он не был в Армении, не видел сотен детей, извлечённых спасателями из-под руин, детей переломанными и оторванными руками и ногами, детей полузадохнувшихся, изуродованных, искалеченных, погибших. У мэра Собчака были совсем другие дела, но если бы в Шуваловском парке в результате какого-то невероятного стечения обстоятельств оказалась, к примеру, Маргарет Тэтчер, она бы, я думаю, сама, голыми руками, принялась откапывать этих подростков.

Когда случилась беда в Чернобыле, руководители многих держав, как я уже говорил, никакой моральной поддержки, а тем более реальной помощи нам не оказали. В Армению же прилетели самолёты с продовольствием, палатками, одеждой, медицинским оборудованием и лекарствами, с добровольцами-врачами и спасателями из 67 государств мира, включая Израиль, с которым у нас тогда не существовало никаких отношений, даже неофициальных.

Беда Армении стала бедой не только всей страны, но и всего мира. Я дал указание Министерству иностранных дел: никаких ограничений на прибытие в Армению любых специалистов и любых грузов не вводить. К сожалению, МИД слишком запоздало отреагировал на события, даже переводчиков в Армению прислал не сразу. Объяснялись с прилетевшими иностранцами чуть ли не на пальцах. Позже Шеварднадзе раздражённо и обиженно говорил мне по телефону: почему не предупредил, не объяснил, что необходима активизация его службы? Я спросил: а разве тех добровольцев из-за рубежа, что прибыли в республику, кто-нибудь предупреждал, объяснял им, что необходимо делать?

Первыми – на следующий же день – прибыли спасатели из Франции, которые привезли одежду и медикаменты. Только за сутки работы они извлекли из-под развалин более 60 человек. Затем прибыли специалисты из Австралии, Италии, Америки, Германии. В те дни я встретился со всемирно известной, мужественной, хрупкой женщиной – матерью Терезой. После нашего разговора я склонился перед ней, и она деловито перекрестила меня, благословив.

Ещё мне очень дорога благодарность пожилой армянской женщины из глухого горного села, где однажды приземлился наш вертолёт. Она сказала просто: “Пусть твои болезни перейдут ко мне!” – и тоже перекрестила меня. Как я потом узнал, это высшая форма уважения к человеку у народа Армении.

Горжусь по сей день и благословением ныне покойного католикоса всех армян Вазгена I, с которым тоже встретился и беседовал на земле Армении. Помню его слова, обращённые в тот день к народу: “После молитвы и траура

обратим наши лица к поражённому горем народу и к нашим разрушенным городам со скорбью в сердце, но без отчаяния, не чувствуя себя побеждёнными. Со светлой верой, несокрушимым духом, могучими руками стойко примем нашу судьбу, мужественно перенесём любые испытания. . . ”

Как одну из самых добрых реликвий и поныне храню послание этого ушедшего от нас замечательного человека, выдающегося церковного и общественного деятеля: “Из далёкой Армении и святого Эчмиадзина мы рады принести Вам наши тёплые приветствия и добрые пожелания в связи с Вашим 60-летием. Мы и весь армянский народ не забыли и не забудем Вашу отзывчивость и доброе отношение после бедственного землетрясения, когда в течение многих дней, днём и ночью, сочувствуя нашему горю, Вы проявляли большую заботу к израненному населению. Наш народ, проживающий как на территории Советского Союза, так и за рубежом, благодарен Вам. . . ”

Я всегда был уверен, что интернационализм – не абстрактное понятие, придуманное Лениным, а живое, дышащее, мощное явление. И я ещё раз убедился в этом, когда люди всего мира – вне зависимости от возраста, пола, цвета кожи, благосостояния – чем-то, пусть самой малостью, старались помочь армянскому народу.

Когда я вернулся в Москву, мой, тогда пятилетний, внук Коля с гордостью сообщил мне:

– Дедушка, я тебя по телевизору смотрел, слушал и всё-всё видел. А потом копилку разбил и послал деньги в Армению.

Я знал, что он целый год складывал в кошку-копилку монетки: собирал на велосипед. . . ”

* * *

Не один только мудрый католикос, но и весь народ Армении был благодарен Рыжкову за помощь в беде. В Спитаке ему поставили памятник, в Гюмри (бывшем Ленинакане) и других городах его именем названы улицы. В 2008 году он стал единственным неармянином, получившим высокое звание **Национального героя Республики Армения**. И дело не в особой привязанности Николая Ивановича к этой стране, хотя пережитая вместе трагедия, конечно же, сблизила их. Без всякого сомнения, случись подобное в любом другом уголке нашей многонациональной страны, он с той же готовностью устремился бы на помощь. И не только он: многие помнят, как буквально всем миром восстанавливались разрушенные стихией Ташкент и Ашхабад, как москвичи (в том числе автор этой книги) массово сдавали кровь для жертв Спитакского землетрясения. Воспоминания Рыжкова – яркий пример этого истинного, непоказного интернационализма, почти забытого в наше время, поэтому так важно донести их до современного читателя.

Многие соратники Николая Ивановича, как и он, участвовали в борьбе с последствиями обеих катастроф – черныбыльской и армянской. Хочется привести свидетельство одного из них – бывшего заместителя Председателя Совета министров СССР, ныне члена Совета Федерации РФ Владимира Кузьмича Гусева:

“Встретились мы с Николаем Ивановичем впервые, когда меня из Саратова в Москву перевели работать, а настоящее близкое знакомство произошло, когда меня перевели в Совет Министров СССР. Почти двадцать лет мы знаем друг друга и большую часть этого времени работали вместе. Жизнь эта была интересная, мощная, масштабная. Работали буквально день и ночь, и вовсе не потому, что хотели показать себя перед начальством. Нет – мы эту работу любили. Она совершенно нас поглощала, и потому ни о какой усталости никто и не думал, хотя поспать удавалось редко когда больше четырёх-пяти часов, но никто не жаловался. Мы спешили в свой кабинет, к своему столу. Работа была самым интересным, увлекательным и ответственным делом нашей жизни.

Бывали и опасные, даже страшные моменты. Для меня это, прежде всего, Чернобыль. Я пробыл там с 26 июня по 26 июля непрерывно. Вот там я понял, что такое смертельная усталость, непонятная совершенно, такая, какой я больше никогда в жизни не испытывал. Это было воздействие радиоактивного излучения. Там мы все поняли, что такое радиация и как она буквально разрушает человека, высасывает из него все силы до последней капли.

Мы, заместители Председателя Совета Министров СССР, являлись председателями Чернобыльской комиссии, и первым был Щербина Борис Евдокимович, покойный уже. Думаю, что Чернобыль существенно сократил ему жизнь. И, скорее всего, намного. А ведь заместитель – главный был человек в районе катастрофы. Он, зачастую на свой страх и риск (случалось так, что и посоветоваться было некогда), принимал очень ответственные оперативные решения, а для этого ему нужно было всё самому видеть и знать. Мы сменяли друг друга во главе этой комиссии. Вторым был Силаев, третьим – Маслюков, четвёртым – я. С меня начали по месяцу там находиться. Каждый день с утра соединялись с Николаем Ивановичем, отчитывались за прошедший день. Он ведь был ответственным на высшем уровне – возглавлял комиссию Политбюро по аварии на Чернобыльской атомной станции.

Этот месяц в Чернобыле – страшное время. Никому такого не пожелаю. Всё происходило на наших глазах. Убিরали разбросанные взрывом рабочие стержни, рыли тоннель под разрушенным реактором, сбрасывали с вертолётов свинец, чтобы прекратить радиоактивный пожар, строили дамбы вокруг каждого ручейка, когда поняли, что радиоактивная вода может попасть в большие реки, откуда берут воду целые города. И нам удалось это сделать, мы не дали радиации распространиться дальше, а иначе была бы очень серьёзная беда. Много ещё можно рассказать, и всё прошедшее стоит у меня перед глазами.

Это была совсем другая жизнь, совершенно не похожая на обычную, и если ты так или иначе какие-то правила нарушал, расплатой был не какой-то штраф или выговор, а скорая смерть.

Это адов огонь!

А вот в Армении, во время страшнейшего землетрясения, Николай Иванович был на спасательных работах сам. Создавать комиссии было некогда, и он оказался в Спитаке буквально через какие-то часы после удара стихии. И оставался там весь острейший период, до тех пор, пока не удалось исправить положение. В это страшное время он проявлял себя как человек деловой, организованный, бесстрашный и в то же время душевный и понятный всем, попавшим в беду. Он умел быть близким людям, которые находились в таком безнадежном, беспросветном горе, умел найти для них такие слова, что они начинали верить в то, что жизнь их не кончена, что беду необходимо и возможно исправить и за это нужно бороться.

Я был в Армении после него, когда многое было уже сделано, и жизнь помаленьку входила в русло. Но там по-прежнему было огромное количество разрушений. Большинство заводов и предприятий лежали в руинах. Огромные предприятия, в том числе и химические...

Николай Иванович показал себя там как истинный народный герой. Да иначе и не могло быть. Он ведь и на самом деле вышел из народа, из простой шахтёрской семьи, которая зарабатывала на жизнь тяжелейшим трудом, и потому он мог понять все их беды. Он с детства знал, что такое потеря близких – горе действительно громаднейшее.

То, как он вёл себя и как работал в Армении, с моей стороны и со стороны моих товарищей вызывает к нему огромное уважение. Он вёл себя как настоящий мужчина и **сделал всё, что мог, для того чтобы помочь и хоть как-то облегчить горе тяжело раненному братскому народу.**

Это было косыгинское правило (а Николай Иванович Косыгина очень уважал!): если хочешь сделать что-то важное, то необходимо приехать, увидеть и лично принять участие. Вот так, по-косыгински, он и поступал там, в Армении. И хотя они с Алексеем Николаевичем очень разные люди, но я бы назвал Рыжкова в каком-то смысле продолжателем дела А. Н. Косыгина. Дело даже не в том, что оба они были Председателями Совмина СССР, а в том, что оба были реформаторами, причём и тому, и другому намеченные реформы провести до конца не дали. Разные люди и по разным причинам, но не дали, и для обоих это была трагедия”.